

**ВЕЛИКИЙ
ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ
СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ**
Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин — *авторский текст, составление, редакция*

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: [Юрий Рассулин](#), 2020

Свидетельство о публикации №220080101121

Глава 10
Месть врага рода человеческого

8. В. Н. Коковцов (год 1912)

Невидимый рок воздвигал всё новые и новые волны неприязненных пересудов вокруг имени Григория Распутина, нанося болезненные раны не только ему самому, но и его Венценосным Друзьям. Сначала Феофан, потом Тютчева с Вишняковой. За ними последовали Гермоген и Илиодор. Смолкли на время голоса Гермогена и Илиодора — как по мановению таинственного дирижера, эстафету подхватили Гучков и Новосёлов.

Приведённая в предыдущем разделе цитата Герасимова свидетельствует о слепоте многих, кто склонен был смешивать духовные устремления православного Царя со спиритическими упражнениями части русских аристократов. Облечённые властью эти слепые вожди слепых сами повинны в том, что увлекли Россию за собой в бездну. К их числу относится господин Родзянко, камергер Двора и по совместительству председатель Государственной Думы. М.В. Родзянко борзо взялся за дело. Не терпелось и Коковцову, возведённому царской милостью и доверием на высокий государственный пост. И тот не

преминул излить свою душу Государю по вопросу о Распутине, но этого ему показалось мало.

Премьер-министр Владимир Николаевич Коковцов, озабоченный газетной шумихой вокруг Григория Распутина, запросами Думы, нездоровой реакцией в обществе, искал пути, чтобы остудить разыгравшиеся страсти. Он встретился с обер-прокурором Синода В.К. Саблером, который, как пишет Коковцов в собственных воспоминаниях, высказал мысль, что «история с Распутиным подвергает Государя величайшей опасности, что он не видит иного способа предотвратить её, как настаивать на отъезде Распутина в Покровское насовсем, и готов попытаться не только повлиять в этом смысле на самого Распутина, но и убедить Государя, что другого выхода нет». [157]

Получается, что Саблер – зачинщик, поскольку первый высказал мысль. Тем самым, Коковцов пытался переложить вину за суетную инициативу на плечи другого человека. Однако, не В.К. Саблер, а именно В.Н. Коковцов решился высказать свои соображения Государю, тогда как Саблер, видимо, посчитал такой шаг слишком дерзким и бестактным по отношению к Царю. Отсюда следует, что мысль избавиться от Распутина не давала покоя именно Коковцову. По его утверждению, они с Саблером встретили поддержку министра двора барона Фредерикса. Фредерикс по волнующему всех троих вопросу 1-го февраля 1912 г. имел разговор с Государем и вечером по телефону обо всём доложил Коковцову, в частности, как пишет Коковцов, сказал следующее: «Я имел длинный разговор сегодня; [*Их Величества*] очень раздражены и расстроены и совсем не одобряют нашу точку зрения. Жду вас до пятницы. <...>

Я приехал к нему [*Фредериксу*] в среду днём, — продолжает Коковцов, — и застал старика в самом мрачном настроении. В довольно бессвязном пересказе передал он мне его беседу с Государем, которая ясно показывала, что тот крайне недоволен всем происходящим, винит во всём Государственную Думу и, в частности, Гучкова, обвиняет Макарова в «непростительной слабости», решительно не допускает какого бы то ни было принуждения Распутина к отъезду и выразился даже будто бы так: «Сегодня требуют отъезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой, и потребуют, чтобы и он уехал». На кого намекал Государь, Фредерикс так и не понял. Закончилась наша беседа тем, что Фредерикс всё же выразил надежду, что Макарову и мне удастся уговорить Государя, а сам он предполагает переговорить лично с Императрицей.

Доклад Макарова в четверг [*5 февраля 1912 г.*] ни к чему не привёл. При первых словах Макарова, посвящённых распутинскому инциденту, Государь перевёл речь на другую тему, сказав ему: «Мне нужно обдумать хорошенько эту отвратительную сплетню, и мы переговорим подробно при вашем следующем докладе. Но я всё-таки не понимаю, почему нет возможности положить конец всей этой грязи». [158]

Несмотря на то, что Государь и Государыня совершенно определенно дали понять, как они относятся к вопросу о месте пребывания Григория Ефимовича, выразив своё неудовольствие Фредериксу, мысль отвадить старца Григория от царских покоев не покидала Коковцова. Видимо, сокровенное в сердце желание было слишком сильное; премьер-министра, что называется, просто «разбирала нелёгкая». При первой же возможности он заговорил с Государем о Григории Распутине, упирая на то, что «страшный вред наносит эта история престижу императорской власти и насколько необходимо пресечь её в корне» и т. д. в том же духе.

Следует напомнить, что все события вокруг деятельности Коковцова и его доклада Государю развернулись по времени сразу после завершения истории с Гермогеном и Илиодором, закончившейся выдворения их из С-Петербурга в январе 1912 г. Одновременно активизировалась деятельность Гучкова с Новосёловым (газетные публикации, думский запрос, распространение гектографических копий). Описывая высочайшую аудиенцию 6 февраля, В.Н. Коковцов подвёл итог следующими словами: «Государь слушал меня молча, с явным неудовольствием глядя, как обычно в подобных случаях, в окно, но затем перебил меня словами: «Да, нужно действительно пресечь эту гадость в корне, и я приму к тому решительные меры. Я вам скажу об этом впоследствии, а пока не будем больше об этом говорить. Мне всё это до крайности неприятно». [159]

Выбранные из контекста слова Государя при желании можно трактовать, как сказанные против Григория Ефимовича, как это и пытается представить Коковцов, что, якобы, его речь против Распутина произвела должное впечатление на Государя и он принял сторону Коковцова. Однако, смысл царских слов в корне противоположен, как следует из всей совокупности сказанного Государем в ответ на речи Фредерикса, Коковцова и проч. Государь был возмущён лживостью, безнаказанностью, наглостью и масштабом действий, предпринятых против Григория Ефимовича. Именно эти подлые действия против Распутина Государь охарактеризовал, как «гадость», «грязь», «отвратительная сплетня».

В своих воспоминаниях Коковцов очень последовательно, подробно и взаимосвязано излагает события. Вот только остаётся непонятным одно. Каким образом во всём случившемся виноват Григорий Ефимович Распутин-Новый? И почему меры для успокоения общества Коковцов и все остальные видели в удалении именно Григория Ефимовича, а не в пресечении деятельности Гучкова и всех иже с ним так же решительно, как поступил с Гермогеном и Илиодором Государь Император Николай II, приказав в течение одного дня любыми мерами выдворить зарвавшихся священнослужителей за пределы С-Петербурга? Но Государь не обязан был лично уделять внимание каждому виноватому. Это была прямая обязанность министра внутренних дел. Поэтому таких же решительных действий Государь ждал и от А.А. Макарова, который в тот момент находился на этом посту, но тщетно — не дождался. Из описания событий Коковцовым складывается впечатление, что и министр вн. дел, и премьер-министр сосредоточили своё внимание только на одном объекте — Григории Распутине, видимо, совершенно не понимая, что он не причина, и даже не следствие, а лишь повод для преступной деятельности Гучкова и всей Думской кампании, возглавляемой Родзянко. И уже одно это ставит под сомнение безупречность логических способностей и мин. вн. дел, и премьер-министра, и прочих чиновников.

Впрочем, чтобы не прослыть огульным и беспочвенным обвинителем, мы готовы согласиться с тем, что наше утверждение относится только к вопросу о Распутине. Но, тем паче, это доказывает, что причина странных, неадекватных логических построений многих чиновников кроется не столько в сфере интеллектуальной, сколько в сфере духовной.

Поражаешься выдержке Государя. Как могли судить о человеке люди, знавшие его только понаслышке, по слухам, по грязным публикациям, носящим совершенно очевидно заказной характер. И это ближайшие помощники Царя, с которыми следовало строить

отношения только на взаимном доверии. Но хоть кто-то из них способен был сохранять трезвость, способен был анализировать события, сопоставлять факты, документы, делать верные логические выводы? Государь в силу своей природной склонности продолжал доверять своим подданным, которые внешне сохраняли личину благородства, на словах руководствовались высокими мотивами, чувством долга, выражали Государю преданность и желание служить ему в интересах вверенного ему Богом Государства Российского.

Обвинения в адрес Распутина, раздававшиеся и с думской трибуны, и с газетных полос, и в пересудах обывателей, были направлены, по-существу, в сторону Царского Села, а потому не могли оставить равнодушной Вдовствующую Императрицу-Мать Марию Федоровну. Мария Федоровна пригласила Коковцова, чтобы получить от него разъяснения касательно Распутина.

Излагая содержание состоявшейся беседы В.Н. Коковцов пишет: «Полуторачасовая беседа утром 13 февраля [1912 г.] была целиком посвящена всё тому же Распутину. На вопрос Императрицы [*Марии Федоровны*] я доложил ей с полной откровенностью всё, что знал, не скрывая ничего и не смягчая никаких крайностей в создавшемся положении, вынесшем на улицу интимную жизнь Царской Семьи и сделавшим самые деликатные стороны этой жизни предметом пересудов во всех слоях населения и самой беспощадной клеветы. Императрица горько плакала, обещала говорить с Государем, но добавила: «несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость каждого проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье». [160]

Но почему же в устах Государыни Императрицы Марии Федоровны Григорий Распутин — «проходимец». Не потому ли только, что его так ей представили... и кто? — те, кто сами лично никогда не были знакомы с Григорием Распутиным, включая Коковцова?

А меж тем, и сам Григорий Ефимович понимал, что не может далее оставаться в Петербурге. Совершенно затравленный, не желая более терпеть напраслину и причинять боль Царю и Царице, он собрался уезжать, но прежде решил сам встретиться с премьер-министром Коковцовым, чтобы непосредственно от самого высокопоставленного чиновника узнать, за что на него такие нападки, чем он провинился перед людьми, за что его так все гонят и ненавидят? В отличие от своих противников он не довольствовался слухами и рассказами, но стремился выяснить положение вещей на самом деле, без посредников, глаза в глаза, душа в душу. Он не боялся этого, как не боялся жизни, ведь он был опытным странником.

Григорий Ефимович написал В.Н. Коковцову письмо, в котором были слова: «Собираюсь уехать совсем, хотел бы повидаться, чтобы обменяться мыслями; обо мне теперь много говорят — назначьте когда. Адрес Кирочная 12 у Сазонова». [161]

Коковцов не без колебаний принял предложение, и встреча состоялась в присутствии зятя Коковцова, В.Н. Мамонтова. Коковцов подробно описал эту встречу в своих воспоминаниях. От встречи с Распутиным он получил только неприятные и тяжёлые впечатления, которые мы не будем приводить, относя их к сфере личной и чисто эмоциональной. Будем считать, что люди разные, как и их эмоции по разным поводам могут быть разные. На чувственном уровне гораздо важнее впечатления Государя и

Государыни, которые хорошо знали Григория, в отличие от Коковцова, который встречался с Распутиным только однажды и то лишь накоротке. Впечатлениям Их Величеств и отдадим предпочтение. Но разговор Коковцова с Распутиным передать стоит, хотя бы потому, что, как уже было сказано, В.Н. Коковцов добросовестно излагает фактологическую сторону дела.

15 февраля 1912 г. Григорий Ефимович вошёл в кабинет премьер-министра, по приглашению Коковцова сел. Затем наступило долгое молчание, которое прервал первым Коковцов:

— Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне? ведь так можно просидеть и до утра. <...>

— Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната, — и опять замолчал, закинув голову кверху, и всё смотрел на потолок. Из этого томительного состояния вывел меня приход Мамонтова, Распутин снова уставился на меня в упор своими холодными, пронзительными глазами и проговорил скороговоркой:

— Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет, и чего плетут на меня.

Я сказал ему:

— Да, конечно, вы хорошо сделаете, если уедете. Плетут ли на вас или говорят одну правду, но вы должны понять, что не здесь ваше место, что вы вредите Государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о вашей близости, давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений.

[Что имел ввиду Коковцов под словом «правда»: «купание княжон», или заявление Гермогена с Илиодором по поводу Государыни и Григория?]

— Кому я что рассказываю — все врут на меня, все выдумывают! Нешто я лезу во дворец? Меня туда зовут! <...>

[В разговор вступил Мамонтов (зять Коковцова), который «ровным, тихим, вкрадчивым голосом» произнес]:

— Ну что греха таить, Григорий Ефимович, ты и сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело. А в том оно, что не там твоё место, не твоего ума дело ставить и смещать министров да принимать всех, кому не лень идти к тебе со всякими делами да просьбами, и писать о них, кому угодно. Подумай об этом сам и скажи по совести, из-за чего льнут к тебе всякие генералы и большие чиновники: разве не от того, что ты берёшься хлопотать за них?

[Трудно удержаться от реплики. По большому счёту, это вопрос не к крестьянину Григорию Распутину, а ко «всяким генералам» и «большим чиновникам». Обвинять в этом человека смешно, а ещё более, но уже не смешно, а страшно, подвергать за это человека травле.]

— А разве тебе станут даром давать подарки, поить и кормить тебя? — продолжал Мамонтов. — И чего ж прятаться — ведь ты сам говорил мне, что поставил Саблера в обер-прокуроры, и мне же предлагал сказать Царю про меня, чтобы выше меня поставил.

[Что же в этом предосудительного, если Государь искал подходящего кандидата и нуждался в совете, разве не мог порекомендовать Григорий Ефимович доброго человека? Государыня в письме сестре Виктории Батенбергской сетует на то, как мало людей в окружении Государя достойных для государственных постов, как трудно их найти. Кстати, она ставит им в вину излишнюю скромность, т. е. нежелание проявить себя. Разве

может помешать совет духовно опытного человека? К тому же посоветовать не означает навязать или настоять.]

— Вот тебе и ответ на твои слова. Худо будет, если ты не отстанешь от дворца, и худо не тебе, а Царю, про которого теперь плетут всякое, кому не лень языком болтать.

[Во-первых, слова Мамонтова расходятся с мнением самого Царя, а во вторых, названные им проблемы не есть проблемы Григория Распутина, но тех, кто «болтал языком», ведь болтать можно о чём угодно и о ком угодно, и по любому поводу, было бы желание, а желание, у таких Господ, как Гучков, по всему видать, было немалое. Но продолжим цитату.]

Распутин, пока говорил Мамонтов, сидел с закрытыми глазами, опустив голову, и упорно молчал. Подали чай, Распутин набрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на меня своими рысьими глазами. Мне надоела эта попытка гипнотизировать меня, и я сказал:

— Напрасно вы так упорно глядите на меня, ваши глаза не производят на меня никакого действия. Давайте лучше поговорим. Ответьте мне: разве не прав Валерий Николаевич (Мамонтов), говоря вам то, что он сказал? <...>

— Ладно, я уеду, только уж пушай меня не зовут обратно, если я такой худой, что Царю от меня худо.

Я хотел перевести разговор на другую тему. Стал расспрашивать Распутина о состоянии продовольственного дела в Тобольской губернии — в тот год там был неурожай. Он оживился, отвечал очень здраво, толково и даже остроумно [!!!]. Но стоило мне сказать ему: «Вот, так-то лучше, можно и обо всем договориться», — как он опять съёжился, стал закидывать голову или опускать её, бормотал какие-то бессвязные слова:

— Ладно, я худой, уеду, пушай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то, да другое, про того, да про другого. — Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места, сказал:

— Ну вот и познакомились, прощайте, — и ушёл от меня». [162]

Удивительно, но сам Коковцов, ставя в вину Распутину то, что он давал советы и высказывал свои мнения, сам не преминул воспользоваться его мнением по вопросу продовольствия. Более того, он нашёл его мнение вполне разумным: «отвечал очень здраво, толково и даже остроумно» !!! Задумайся читатель! Премьер-министр спрашивает мнение по интересующему его профессиональному вопросу старца Григория и к своему немалому удивлению находит его ответ разумным и, значит, достойным внимания. Тем самым, Коковцов, по сути, полностью снимает обвинение с Распутина, как причины возникновения проблем вокруг его имени. Получается, что Григорий Распутин что называется, соответствует своему статусу, своему положению. А именно, его приглашают, чтобы получить совет те, кто нуждаются в этом совете; и старец Григорий такой совет даёт, точный и удовлетворительный, отвечающий на вопрос, помогающий разрешить проблему. Тем самым, Коковцов демонстрирует нужность и несомненную полезность старца Григория в интересах государственных. Дальше вопрос, что важнее для Коковцова и ему подобных, использование всех доступных средств в интересах государственных, к пользе и благополучию Отечества, в т. ч. мнение и советы старца Григория Распутина-Нового, либо отстранение нужного, полезного человека в угоду низменным интересам

недалёкой общественности и враждебной оппозиции? Получается, что для Коковцова второе важнее.

Коковцов совершенно не понял Григория Распутина и дал о нём сначала своей жене, а потом и Государю отвратительный отзыв, сравнив, по-существу, сибирского крестьянина с уголовником. Остаётся предположить две вещи, либо кто-то из двух людей: Коковцова и Государя — полный идиот, либо, если вынести вопрос о Распутине из сферы умственной и перенести его в сферу духовную, следует утверждать, что у Русского Царя и Премьер-министра Коковцова было совершенно разное духовное устройство, смеем выразить, что эта разница относилась к духовной ущербности Коковцова и его неспособности постичь и увидеть в человеке то, что увидели и поняли в Божьем страннике Григории Царь и Царица.

Всё же Коковцов не совсем точно передал содержание беседы с Григорием Ефимовичем. Он упустил кое-какие важные детали. Премьер-министр использовал встречу с Григорием Распутиным для того, чтобы уговорить его уехать насовсем. При этом Коковцов не погнушался попыткой подкупить его и дать Распутину денег. Об этом свидетельствует А.А. Танеева (Вырубова): «В 1913 году, помню, министр финансов Коковцов, который, как и все, не любил Распутина, предложил ему 200 000 рублей с тем, чтобы он уехал из Петербурга и не возвращался. Предложение это обидело Григория Ефимовича. Он ответил, что если «Папа и Мама» хотят, то он, конечно, уедет, но зачем же его покупать?!» [163]

Воспоминание Анны Александровны относится именно к описываемому моменту, т. к., по утверждению самого Коковцова, больше он с Распутиным не встречался.

Уже на следующий день В.Н. Мамонтов передал Коковцову, что Распутин: «уже доложил в Царском Селе, что был у тебя, и что ты уговаривал его уехать в Покровское, а на вопрос мой (по телефону), как там отнеслись к этому совету и намерен ли он уехать, Распутин ответил: что сказал, то и сделает, а только там серчают, говорят, зачем суются, куда не спрашивают; кому какое дело, где он живёт, ведь он не арестант». [164]

Справедливое замечание.

Объяснение причин внутренней неприязни Коковцова к Григорию Распутину, данное дочерью Григория Ефимовича, М.Г. Соловьевой-Распутиной, недалеко от истины, а если и отличается от реально имевших место событий, то лишь в частности, существо же дела, похоже, передано точно. Матрёна Григорьевна пишет: «...премьер-министр Коковцов видел в отце угрозу своей карьере. Почему, я понять не могла и не могу до сих пор. Анна Александровна говорила, что Коковцов завидовал «власти над тронem», приписываемой отцу. Через верных людей, отцу стало известно, что в его отсутствие Коковцов развернулся вовсю. Премьер-министр и правда был опасным противником — он был советником номер один при Царе, и его высоко ценили. Коковцов повёл себя умнее других. Открыто он не выступал против отца, не нашёптывал Царю гнусности. Премьер плёл тонкую интригу. Для начала он предложил отцу чуть ли не миллион рублей. Отец рассмеялся Коковцову в лицо. Это привело в ярость обычно непроницаемого премьер-министра. Это было объявлением войны со стороны Коковцова. Отец прекрасно осознавал это и, чтобы не ставить под удар [Царя] Николая [Второго] и его семью (так как от недоброжелателей можно было ждать чего угодно), уехал из Петербурга.

Отцу не было известно о том, что за день до его отъезда Коковцов напросился на аудиенцию к Царю и предъявил ультиматум: если Распутин останется в Петербурге, кабинет министров уйдет в отставку. Так что, уехав, отец избавил [*Царя*] Николая [*Второго*] от необходимости вступать в постыдный для самодержца торг. Перед отъездом Императрица попросила отца придти, чтобы благословить её и детей. Тогда же она сказала, что надеется на скорое возвращение отца». [165]

15 февраля 1912 г. Императрица-Мать, обсудив накануне вопрос о Распутине с премьер-министром Коковцовым, направилась к сыну. Это событие нашло отражение в дневниковых записях Государя: «К чаю приехала мама; имели с ней разговор о Григории». [166]

Существование разговора между Императрицей-Матерью и Их Величествами передано в дневнике Вел. княгини Ксении Александровны от 16 февраля 1912 г.: «Мамá рассказывала про вчерашний разговор. Она так довольна, что всё сказала. Они [*Царь и Царица*] знали и слышали о том, что говорится, и А[ликс] защищала Р[аспутина], говоря, что это удивительный человек и что Мамá следовало с ним познакомиться и т.д. Мамá только советовала его отпустить теперь, когда в Думе ждут ответа, на что Ники сказал, что он не знает, как он это может сделать, а она [*Александра Федоровна*] объявила, что нельзя give in [уступать]!

Вообще она говорила всё не то и, видимо, не понимает многого — ругала общество (dirty-minded gossips [грязные сплетни]), Тютчеву, которая много болтает и врёт, и министров — «all cowards» [все подлецы].

Но, тем не менее, они были благодарны Мамá, что она так откровенно говорила, и она даже поцеловала Мамá руку!» [167]

Во вмешательстве Марии Феодоровны в вопрос о Распутине не трудно заметить трогательную материнскую заботу, искреннюю обеспокоенность положением. Насколько бедная Мария Феодоровна была чутка и заботлива по отношению к сыну, настолько же она оказалась слепа в отношении Григория Ефимовича. Но, быть может, в этом виновата не столько она, сколько её осведомители. К сожалению, Мария Феодоровна так ничего и не поняла. То же самое на тот момент можно было бы сказать, опять же с сожалением, и о Вел. княгине Елизавете Феодоровне.

17 февраля 1912 г. на высочайшем докладе Коковцов рассказал Государю все подробности своей встречи с Распутиным, подтвердил самостоятельное желание Распутина уехать на родину и высказал по просьбе Государя своё мнение об этом человеке в крайне неблагоприятных тонах.

Со слов Коковцова, реакция Государя была следующей: «Пока я говорил, Государь молчал, смотрел большей частью в сторону, в окно — признак того, что весь разговор ему неприятен. [*В конце разговора Государь сказал*], «что он очень дорожит такой откровенностью, но сам он почти не знает «этого мужичка» и видел его мельком, кажется, не более двух-трёх раз, притом с большими перерывами во времени». [168]

Позвольте не поверить Коковцову в точности изложения этого эпизода, поскольку хорошо известно, и это отражено в дневниках Государя, что он и старец Григорий встречались достаточно часто, начиная с 1905 года. Государь не был малодушным человеком, чтобы произнести явную ложь. Скорее, откровенно лжёт Коковцов, выдавая желаемое за действительное.

Если же и есть доля правды в рассказе Коковцова, хотя и значительно искаженная, можно дать следующее объяснение этому эпизоду. Государь мог подыграть Коковцову в силу своей мягкости. Но, можно понять и Государя. Ведь все, все, даже самые близкие и уважаемые люди, даже родная мать, в один голос говорили ему против Распутина. Может быть, и он сам в чем-то заблуждался? Так мог думать Государь, и его слова можно расценить и как следствие этих невеселых раздумий, и как попытку встать на точку зрения своих оппонентов. Однако, Государь отличался не только мягкостью и деликатностью в обращении, но и самостоятельностью в принятии решений, и твердой волей в их осуществлении, если уж таковые решения были приняты. А что он решил относительно Друга своей Семьи, будет видно не из частного эпизода, рассказанного Коковцовым, а из дальнейших событий и слов самого Государя, которые он неоднократно повторял разным людям.

Итак, газеты, Дума, Гучков, Новосёлов, Коковцов, а затем и Родзянко — обстановка в столице вокруг имени Григория Ефимовича была накалена до предела, о чём и свидетельствует в своём дневнике за 18 февраля 1912 г. генеральша Александра Викторовна Богданович, содержанка одного из светских салонов Санкт-Петербурга, которую так любит цитировать Э. Радзинский. Она пишет: «Более позорного времени не приходилось переживать. Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин. Распутин жаловался, что пресса на него нападает, что он готов уехать, но нужен тут «своим». Под «своими» он подразумевает царскую семью». [169]

Ситуация становилась невыносимой, и Григорий Ефимович вынужден был уехать из Петербурга, чтобы как-то разрядить обстановку и успокоить шумиху, поднятую вокруг его имени в связи с провокациями Труфанова, публикациями Новосёлова, деятельностью Гучкова, думской возней председателя Родзянко, невероятными стараниями премьера Коковцова.

Согласно агентурным сводкам полиции за 18 февраля 1912 г.: «Русский уезжал с Николаевского вокзала. Провожали: Зимняя, Птица, Ворона, Голубка, Сова и человек 15 неизвестных обоего пола...» [*«Русский» — Григорий Ефимович; «Сова» — Акилина Лаптинская; «Голубка» — Зинаида Манчетт; «Зимняя» — Любовь Валериановна Головина; «Птица» — Мария Евгеньевна Головина (Муня); «Ворона» — Мария Сазонова — расшифровка Э. Радзинского*]. [170]

Старец Григорий уехал, но столичное общество не унималось, о чём не преминула сообщить генеральша А.В. Богданович в своём дневнике от 22 февраля 1912 г.: «Весь Петербург взбудоражен тем, что творит в Царском Селе этот Распутин. У царицы, увы, этот человек может все!!!» [171]

Но нет худа без добра. Судьба предоставила Григорию Ефимовичу время немного отдохнуть душой, утешиться в окружении родных, близких, любящих людей. Агентурные сводки полиции за 22 февраля 1912 г. сообщают: «Прибыл в Тюмень, встречали жена и дочь и очень были обрадованы его приездом». [172]

Подведём краткий итог. Воспоминания Коковцова дают очень ценный материал для понимания того, что подлинными причинами травли старца Григория Ефимовича Распутина-Нового были не мнимые его безобразия, а упорное желание приписать их ему, и, даже если все обвинения окажутся дутыми, доказать его вину. Механика настолько примитивна и прозрачна для понимания, что приходится только удивляться слепоте

многих, подобно Коковцову, не желавших замечать очевидное. Корень явления лежит в сфере духовной: гонители и их жертвы были противоположного духа. «О сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин.13:35). Это сказано о Царе Николае, Царице Александре, об Их Детях и об Их духовных Друзьях. А оппоненты Царя и Царицы, недруги старца Григория, совопросники мира сего, духа Христова не имели: «Сущии бо по плоти плотская мудрствуют: а иже по духу, духовная. Мудрование бо плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир, зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может. Сущии же во плоти Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в душе, понеже Дух Божий живёт в вас. Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов» (Рим.8:9). Царь Николай и Царица Александра сами жили и стремились воспитать детей своих в Духе Христовом. Вот это Христианское благочестие и роднило Их со старцем Григорием Ефимовиче Распутиным-Новым. И исполнились на них слова апостольские: «И вси же хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гонимы будут» (2 Тим. 3:12) ...

Источники:

157. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 463.
158. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 464.
159. Там же.
160. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 466.
161. Там же.
162. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 467-469.
163. Верная Богу, Царю и Отечеству. С-Пб: Царское Дело, 2005. С. 125.
164. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 469.
165. *Распутина М.* Распутин. Воспоминания дочери. М: Захаров, 2000, С. 218-219.
166. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М: Прогресс, 1998. С. 346.
167. Там же.
168. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 471.
169. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 192.
170. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 194.
171. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 192.
172. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 194.